

Получилось так, что широкую популярность Юрию Никулину принесло кино. Чтобы завоевать ее, ему надо было однажды сесть в метро и проехать не сколько остановок до студии «Мосфильм».

А между тем, родной дом Юрия Никулина — цирк, самая любимая работа — клоун. Но чтобы «доказать» всем, что он хороший клоун, ему надо объехать почти всю страну: таковы парадоксы ве-ка техники. Сегодня Юрий Владимирович вместе со своим постоянным партнером Михаилом Шуйдиным добрался на конец до Куйбышева и стал гостем нашего «клуба».

— Между прочим, — располагаясь для беседы, заметил Юрий Владимирович, — мы приезжали в Куйбышев ровно двадцать лет назад, и это был первый город, где нас «обругали». Да, в рецензии на программу местная газета раскритиковала нашу сценку «Маленький Пьер». Это было что-то вроде политического скетча: мальчишка Пьер расклеивает листовки с призывом к миру, за них гоняются полицейские, он водит их вокруг пальца и так далее... Ну, я это не в счет «старых обид», а скорее к вопросу о том, что можно и чего нельзя в цирке. Тогда полагали, что «об этом» в цирке нельзя.

— А сейчас?

— Цирк — искусство и, как всякому искусству, ему подвластно все. Разумеется, каждая муз говорит на своем языке, кто теперь об этом будет спорить. Но от общих истин не легче. И сегодня не все понимают, как необычен наш язык. Недавно подходит ко мне директор одного цирка и говорит: «Эх, Никулин, завидую я тебе. Вышел на манеж, повалял дурака, публика насмеялась — иди получай деньги». Я ему говорю: «Вы бы пошли поваляли, я тут за директора немного посажу». Он даже обиделся: тоже сравнил — директор и клоун.

В общем, многое мы поняли, многое стараемся понять, но когда думаешь всерьез о проблемах клоунады, становится не до смеха. Может быть, не надо их сейчас обсуждать...

— Но все-таки: откуда берутся клоуны?

— Говорят, что одно небезызвестное радио не смогло ответить на два вопроса: откуда приходят клоуны и куда уходят деньги. Боюсь, что ваш вопрос из той же серии. Не знаю, никто не знает. Хотя это очень серьезный вопрос.

— Ну хорошо, давайте конкретно: вот вы, Юрий Никулин и Михаил Шуйдин...

— Наш случай только запутает дело. Лицо я очень хотел попасть в театр или кино, ходил, просился — не взяли. «Сгоря» поступил в цирковое училище и, как видите, прижился.

Михаил Шуйдин попал в цирковое училище перед войной, но совсем не собиралась быть клоуном. Во время войны он командовал танковой ротой, горел в двенадцати танках. Тринадцатый едва не стал роковым. Машина скролла, Шуйдину тоже здорово досталось, его спасла лужа, в которую он, уже без сознания, вывалился из танка. Год с лишним лежал в госпиталях, когда демобилизовали, снова пришел в цирк. Но обгоревшие руки уже не могли выдержать нагрузки на турнике. В то время суще-

ствовали так называемые колхозные цирки — по сути дела цирковые бригады, кочевавшие в глубинке. Вот в такой цирк Шуйдин «нанялся» клоуном.

А встретились мы с ним тоже случайно, у Карапандаша. Я заканчивал тогда училище, у меня был уже свой постоянный партнер. И вдруг Карапандаш начал набирать что-то вроде маленькой студии. После просмотров он взял несколько человек, в том числе меня с партнером и Шуйдина. Через несколько месяцев он попросил меня с Шуйдиным оставаться, остального отказал. Вот так появилась наша пара. Правда, в первой своей программе (а было это 1 мая 1949 года в Саратове) мы выступали втроем: Карапандаш, Шуйдин и я, но уже через год мы работали самостоятельно.

— Пишут [и это верно], что Никулин и Шуйдин — одна индивидуальность, Карапандаш — другая, Олег Попов — третья. Когда речь идет о писателе или актере, это, в общем, ясно. Но как понимать индивидуальность клоуна? Что это — другой парик, непохожая мимика или нечто более глубокое — иной взгляд на мир, свой «тембр смеха»?

— Это слишком серьезный вопрос, чтобы ответить вот так, в двух словах. Юмор — вещь сложная, динамичная, живо и причудливо меняется он вместе с нашими взглядами, образом жизни, привычками... Очень трудно выходить каждый вечер в манеж и смешить человека, который шутит сегодня совсем не так, как шутил вчера.

В свое время я пытался изучать законы смешного, читал серьезные статьи, биографию Чаплина и т. д. Потом я понял, что все смешное рождается из жизни и самое главное — быть на ее уровне. Очень важно не закружиться в этом быстро меняющемся мире, оставаться самим собой. Я могу то, что я могу. Это истина. Если этого хватает, чтобы люди искренне смеялись, значит все в порядке. Смех зрителя помогает...

— А что мешает?

— Популярность, ожидание чуда, сенсации. В цирк на нас ходят после кино, а это разные вещи. Никулин в «Кавказской пленнице» и Никулин в цирке — это одно и то же.

Один наш приятель рассказывал, как в начале века в Одессу приезжал Макс Линдер. Гастроли проходили в знаменитом оперном театре, билеты были распроданы за полчаса, еще через полчаса перепродавались по баснословным ценам, ажиотаж был страшный.

Вечером в переполненном зале погас свет, и зрители увидели на экране, как Макс Линдер собирается в Одессу. Он спешил, опаздывал, мчался на подвод-

ной лодке, падал в море, за ним гнались акулы, потом он оказывался в самолете, самолет подлетал к Одессе, к оперному театру, открывался люк, и Макс Линдер на канате спускался через крышу в зал. Зрители были поражены: на экране — их Одесса, их театр, чуть не они сами. Но еще больший эффект ждал их впереди: свет внезапно загигался, экран исчезал, а на сцене стоял настоящий Макс Линдер, «избежавший» все «копасности» и добравшийся наконец до Одессы.

Вот это была сенсация! После этого М. Линдер мог говорить и делать что угодно. Ну, а мы таких эффектов каждый день не можем себе позволить. И теперь, когда я вижу, как огромными буквами написано: «Юрий Никулин и Михаил Шуйдин», я с тоской вспоминаю старые времена, когда нас никто не знал и писались мы на афишах обычным шрифтом.

— Ну, это вы зря... И чтобы вы со всем не затосковали, давайте поговорим о кино. В свое время оно от вас «отвернулось». Как же все-таки состоялась встреча?

— Совершенно случайно. Я уже десять лет как работал в цирке. Есть такой писатель — Владимир Поляков. Он много писал для цирка, и мы были хорошо знакомы. Так вот однажды он встречает меня и говорит: «Слушай, у нас с Ласкиным снимается фильм. Есть хороший эпизод, а они никак не найдут актера. Попробуй, а?». Я сначала отказался. Тогда Поляков говорит: «На всякий случай запиши телефон, может, на-думаешь». За обедом я, между прочим, рассказываю жене: вот, мол, такая история... А она говорит: «А почему в самом деле не сходить?». И даже телефон набрала.

Вот так я впервые снялся в кино — в фильме «Девушка с гитарой». Может быть, помните — есть там эпизод с пиротехником? Пиротехник — это я. А потом были «Неподдающиеся», «Пес Барбос...», «Ко мне, Мухтар», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука» и т. д.

— Но вы уже давно не снимаетесь...

— Два года. И не потому, что не хочу. Нет хорошей роли.

К сожалению, последний раз я снялся в плохом фильме — «Стариках-разбойниках». Тут, наверное, все были виноваты: и сценаристы, и режиссер, и мы, актеры. Во всяком случае, после этого фильма я впервые получил много ругательных писем, они и сейчас хранятся у меня.

Я очень люблю кино. Для меня это возможность попробовать себя в новом качестве, решить новые творческие за-

дачи, наконец, возможность поработать в другой обстановке, посмотреть на жизнь другими глазами, это очень важно.

— В свое время вы писали, что должны были сниматься в роли Деточкина в фильме «Берегись автомобиля», которую сыграл потом И. Смоктуновский...

— Это целая история. Если хотите, я ее расскажу. Однажды на гастролях в Ленинграде я услышал историю, которая меня поразила. На одной автобазе работал шофером хороший молодой парень, комсомолец. Между тем, на самой базе творились темные дела. Парень постепенно стал догадываться об этом и решил разоблачить преступников. Но те опередили его: подложили «левый» та-вар и спровоцировали уголовное дело. Парню дали пять лет.

Через пять лет он вышел из колонии, устроился заместителем начальника какого-то гаража и решил мстить. Но мстил довольно необычным способом: изымал у бывших своих начальников то, что считал нажитым нечестным путем. Короче, он крал их машины, заводил в свой гараж, снимал номер, перекрашивал и перепродавал. Деньги, которые выручал за краденые машины, перево-дил на детские дома.

Любопытно, что «мститель» вел свою бухгалтерию. Если он ехал продавать угнанную машину, то выписывал себе «ко-мандировочные», на почтовые переводы брал квитанции. Полагая, что, работая по «совместительству», он имеет право на вторую зарплату, платил себе 50 процентов ставки, которую получал в гара-же. На всех этих «документах» он аккуратно расписывался и тщательно хранил их.

Таким образом он продал больше десяти машин. Когда его наконец поймали, он отказался от адвоката и заявил, что будет защищать себя сам. В итоге на суде все поменялось местами: свиде-тели сели на скамью подсудимых, а обви-яемый стал главным обвинителем. Правда, за «самосуд» он получил три года условно, но бывшие владельцы ма-шин понесли куда более серьезное на-казание.

Вернувшись в Москву, я как-то при случае рассказал эту историю Э. Рязанову. Ему она очень понравилась. «По-слушай, ведь это почти готовый сцена-рий! А ты будешь играть этого самого парня». Я сказал, что согласен.

Рязанов с Брагинским, действи-тельно, написали сценарий, и Юрий Деточкин, действительно, предназначал-ся мне. Между тем, в одной из инстан-ций сценарий «приостановили». Тогда Брагинский и Рязанов сделали из него книгу, она была опубликована. А коли есть книга, почему не может быть по ней фильма? Словом, все началось сна-чала. Но я в это время был в другом городе, пути наши разошлись, и в филь-ме снялся И. Смоктуновский.

— Но с вами-то мы все-таки увидим-ся скоро на экране!

— Возможно. Л. Гайдай хочет делать фильм из рассказов М. Зощенко, навер-но, я снимусь в нем. Но главным для меня все же был и остается цирк, пото-му что я — клоун.

Г. КОСТИН.